

¹⁸ В эту категорию были включены общины, получающие более 55% продуктов питания от мотыжного земледелия.

¹⁹ Как мы видим, корреляция у нас получилась в предсказанном направлении и статистически значимой на уровне 0,057. Как известно, обычно в качестве статистически достоверных принято называть корреляции, значимые на уровне $\leq 0,05$, однако никакого строгого обоснования конвенция эта не имеет, а как было шутливо замечено Р. Розенталем, «Бог любит 0,06 почти так же сильно, как 0,05» («*God loves the .06 nearly as much as the .05*») – *Rosenthal R. Cumulating Psychology: An Appreciation of Donald T. Campbell // Psychological Science. Vol. 2. 1991. P. 220*; см. также: *Munroe R.L., Hulefeld R., Rodgers J.M., Tomeo D.L., Yamazaki S.K. Aggression among Children in Four Cultures // Cross-Cultural Research. Vol. 34. 2000. P. 17.*

²⁰ *De Munck V., Korotayev A.V. Problem of Cultural Units in Cross-Cultural Research // Ethnology. Vol. 39. 2000. P. 335–348.*

²¹ Решение это было предложено еще в 1950 г. Б. Уайтингом. См.: *Whiting B. Paiute Sorcery. N.Y., 1950.*

²² *Caro Baroja J. La vida rural en Vera de Bidasoa. Madrid, 1944.*

²³ *Eglar Z.S. A Punjabi Village in Pakistan. N.Y., 1960.*

²⁴ См., напр.: *Popper K. Logic of Scientific Discovery. N.Y., 1959.*

²⁵ Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 // СП СССР. 1973. № 19. Ст. 109.

²⁶ Там же.

²⁷ Подчеркну, что при этом полноценные идеографические открытия (которые, как известно, ничем не хуже и не лучше номотетических) могут совершаться и без всякого использования количественного кросс-культурного метода. Более того, как раз невозможным по определению оказывается совершение идеографических открытий с применением этого метода.

© 2002 г., ЭО, № 5

Д.А. Халтурина

МЕТОДИКА КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

*Легко судит о глупости ирокезов,
не зная языка ирокезов.*

(Почти из К. Прутков)

Удивительно, насколько разными оказались рецензии, представленные на нашу с А.В. Коротаевым и М.Б. Кунашевой работу. Так, О.Ю. Артемова в качестве эпиграфа взяла цитату Клиффорда Гирца, в которой классик постмодернистской интерпретативной антропологии выражает свои антипозитивистские взгляды, очевидно, предполагая, что сциентистски настроенные ученые хотят «без пристального изучения лучше понять людей».

Постмодернистский переворот 1960–1970-х годов принес новую парадигму научного знания, сменив иерархический принцип научного мышления неиерархическим. Эпоха постмодерна принесла разочарование в ценностях Нового времени с его верой в прогресс, в разум человека, в научные достижения. Высшей ценностью науки, вершиной ее ценностной иерархии является научная истина; постмодернисты же ввели концепцию множественности истины. Все это привело к развитию скептицизма относительно возможности познания объекта научной деятельности как такового и к буйному расцвету субъективизма и эстетизма, что, следует заметить, достаточно плачевным образом сказалось на состоянии антропологической науки, особенно на Западе. Многие антропологи, будучи уверены в невозможности научного познания чужой

культуры, предлагают читателю вместо разработки научных теорий рассказы о своих впечатлениях от полевой работы¹. Более умеренные этнологи-постмодернисты, к которым относится и О.Ю. Артемова, считающая, что социокультурные признаки сочетаются столь же случайно, как и узоры в калейдоскопе, предлагают забыть о существовании методик научной обработки данных и вырабатывать антропологические теории, пользуясь исключительно исследовательской интуицией. Для любого этнолога-постмодерниста строгие научные методы бесконечно чужды, как язык ирокезов белым поселенцам.

Конечно, интуиция – необходимый инструмент для *выработки* гипотез, причем не только в этнологии, но и в точных науках, однако верификация и фальсификация теорий при помощи интуиции «исследователей, хорошо разбирающихся в соответствующей проблематике», представляется сомнительным предприятием. Представим себе, что политологи определяли бы, например, динамику рейтинга президента при помощи интуиции соответствующих специалистов, а экономисты рассчитывали бы прогноз инфляции исходя из собственного чутья. «Гуманитарное мышление по сути своей концептуально», пишет в своей рецензии О.Ю. Артемова, однако сама попытка ориентироваться исключительно на «гуманитарное мышление», работая в рамках нормальной *социальной науки*, каковой является этнология, несет в себе известное противоречие.

Тем не менее в возражениях О.Ю. Артемовой содержится определенная правда. Ведь если «этнолог с 25-летним стажем», «не будучи специалистом по формальным кросс-культурным исследованиям» теряется в обилии непривычных терминов, то и у других читателей нашей статьи возникнет немало вопросов. Поэтому я вкратце опишу отдельные положения методики кросс-культурных исследований, а также отвечу на некоторые возражения А.А. Велика и С.В. Соколовского.

К сожалению, до определенного момента в этнологии просто не было строгих методик верификации/фальсификации гипотез. Метод кросс-культурных исследований был создан именно для преодоления этой трудности, ведь обзор больших массивов упорядоченной информации дает возможность увидеть общие закономерности социокультурного развития отдельных регионов и человечества в целом.

Идея собрать массив формализованных (разбитых на категории) этнографических данных принадлежит Э.Б. Тайлору, а первая компьютеризированная (на перфокартах) кросс-культурная база данных «Этнографический атлас» была создана в США еще в 1967 г. Методика сбора данных была следующей. В качестве «дискретных единиц» рассматривались общины, т.е. деревни, бэнды охотников-собирателей, кочевые айлы и т.д. Задачи представить одной деревней всю этническую группу перед создателями кросс-культурных баз данных не стояло, это было бы невозможно, да и не было нужно. (Ведь социологов не смущает, что в репрезентативной выборке, например, России, интеллигенция того или иного района представлена одним человеком.) При этом, разумеется, подбирались общины, наиболее типичные для того или иного региона, тщательно описанные этнографически, по возможности минимально подвергшиеся аккультурации². В итоге было отобрано 1267 этнографически описанных общин из разных регионов мира. В дальнейшем была создана другая кросс-культурная база данных – «Стандартная кросс-культурная выборка». На данный момент в ней содержится информация по более чем 1800 показателям по 186 обществам из всех регионов мира.

Далее исследователи выделили определенный набор признаков, и именно относительно этих признаков они искали информацию в соответствующих этнографических описаниях. Сначала информация не обрабатывалась и хранилась в текстовом виде, однако в последующем данные были закодированы и во многих случаях ранжированы. Приведем пример такого ранжирования. Переменная № 1268 «Стандартной кросс-культурной выборки» «Тип женского тела, считающийся наиболее привлекательным» включает следующие градации: 1 – полный или толстый; 2 – пухлый; 3 – средний уровень полноты; 4 – стройный или худой.

Каждой из общин присваивается по каждому из параметров соответствующее значение, исходя из информации, полученной из этнографических описаний. С ранжиро-

ванными данными можно выполнять целый ряд статистических операций, наиболее распространенной из которых является вычисление корреляций. Корреляция представляет собой особую (нефункциональную) форму связи между двумя или более параметрами. Однако, если в случае функциональной зависимости (например: $y = 2x$) одному значению x соответствует одно и только одно значение y , то при корреляционной связи одному значению x будет соответствовать более одного значения y .

Взглянем, например, на диаграмму 1 статьи «Мировые религии и семейно-родственная организация: кросс-культурное исследование». Точками на ней изображено распределение всех попавших в выборку культур (общин) по полученным нами в результате факторного анализа измерениям «Матрицентричность» и «Унилинейность». Не вдаваясь пока в описание нашего факторного анализа, мы видим, что за исключением двух не очень многочисленных кластеров в правом верхнем поле все культуры как бы выстраиваются вокруг одной линии. Такое распределение показывает наличие линейной корреляционной зависимости, когда нельзя отрицать наличие связи между двумя признаками, однако выявленная закономерность не является строгой. Объяснить заметную здесь визуальную корреляцию очень просто: в большинстве культур мира роль мужского пола в социальной организации намного выше, чем роль женского пола (то есть большинство культур мира патрицентричны). При этом степень этой патрицентричности тем выше, чем сильнее степень влияния родовой (как правило патрилинейной) организации. Те же культуры, которые располагаются на диаграмме правее, представляют ту же зависимость для матрицентричных обществ.

Те признаки, которые коррелируют друг с другом, называются коррелятами или предикторами (от англ. predict – предсказывать). Зная значения одного признака для данного случая, можно с определенной долей вероятности предсказать значение другого признака для этого же случая. Например, зная, что в патрицентричном обществе линидж имеет сильное влияние, можно с определенной долей вероятности предположить, что в этом обществе связи, группирующиеся вдоль связей, соответствующих родственным отношениям по мужской линии, играют гораздо более важную роль, чем связи вдоль линии, соответствующей родственной связи между женщинами (речь идет, например, о связях типа «сын сестры – брат матери»). При этом корреляты и предикторы не обязательно находятся в причинно-следственных отношениях, ведь зная, что у человека светлые волосы, мы с высокой долей вероятности можем предположить, что у него светлые глаза, однако очевидно, что причинно-следственной связи здесь нет. Зависимые и независимые переменные выделяются из коррелятов с помощью той самой исследовательской интуиции и накопленного багажа знаний.

Корреляция характеризуется такими параметрами, как сила связи, значимость и направление связи. Сила связи (обычно ϕ , r или r) показывает, насколько сильно признаки связаны друг с другом, а значимость, которая обозначается символом α (или p), показывает, какова вероятность того, что данный результат – случайность (обычно значимыми считаются корреляции с коэффициентом значимости менее 0,05).

Иногда случается, что сразу несколько переменных (признаков) коррелируют друг с другом (например, патрилокальность, патрилинейность, несороральная полигиния и т.д.). В таком случае, можно предположить, что за этими множественными взаимосвязями стоит скрытый фактор. Это можно легко проверить с помощью факторного анализа.

Факторный анализ является процедурой, с помощью которого большое количество переменных сводится к меньшему количеству независимых, влияющих величин, называемых факторами. Этот вид анализа нередко подвергался критике (однако, в основном из-за его повышенной популярности и связанных с этим злоупотреблений). Тем не менее, эта методика остается в социальных науках вполне легитимным статистическим методом. При выполнении факторного анализа существует множество нюансов. Так мы, выполняя свой факторный анализ, использовали метод основных компонент, без вращения.

Помимо упомянутых двух методик существует большое количество других статистических процедур, предназначенных для решения разного рода задач³. Кстати сказать, мы обрабатывали набор отобранных переменных также с помощью других методик, в частности дискриминантного анализа и иерархического кластерного анализа. Полученные нами результаты не только воспроизводят закономерности, описанные в данной статье, но и раскрывают новые аспекты влияния мировых религий на семейно-родственную организацию традиционных обществ, и мы обещаем их непременно опубликовать.

Как верно отмечает А.А. Белик, использование таких слов, как «культура», «цивилизация», «общество», в высокой степени конвенционально. Поэтому необходимо уточнить нашу трактовку некоторых ключевых понятий в представленной на обсуждение работе. Так, если в отечественном научном языке такие понятия, как «общества», «культура», применяются чаще к общностям государственного порядка, то в западной традиции на традицию использования этих терминов сильно повлияла антропология, поэтому под этими словами могут пониматься совсем небольшие общности. Говоря о традиционной семейной организации, мы имели в виду семейную организацию отличную от современной, поскольку в настоящий момент происходит связанная с общей глобализацией унификация семейно-родственных отношений и столь интересные для этнологов различия стираются. Касательно употребления понятия «сложное общество», речь идет об устоявшейся в кросс-культурных исследованиях концепции культурной сложности. Признаками культурной сложности считаются оседлость, наличие письменности, высокая плотность населения, земледелие, наличие городов, развитое ремесло, денежная система, политическая интеграция, социальная стратификация и высокая плотность населения⁴.

В заключение хочется выразить надежду, что и данная статья и полемика вокруг нее привлекут внимание отечественных этнологов к кросс-культурным методам, количественным исследованиям и открывающимся с их помощью возможностям.

Примечания

¹ См., напр.: *Rabinow P. Reflection on Fieldwork in Morocco*. L., 1977.

² Как вспоминал Дж. Уайтинг, бывший в 1930-е годы аспирантом Мёрдока в Йельском университете, Мёрдок в эти годы практически все будние дни (или, возможно, точнее сказать – ночи) с 8 час. вечера до 5 час. утра (!) работал в читальном зале университетской библиотеки, изучая и обрабатывая все этнографические описания, которые ему удавалось разыскать (см. *Whiting J.W.M. George Peter Murdock (1897–1985)* // *American Anthropologist*. Vol. 88. P. 682–686).

³ Среди русскоязычных изданий, посвященных описанию используемых в социальных науках статистических методов, можно порекомендовать работу: *Бююль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации*. М., 2002.

⁴ См.: *Levinson D., Malone M.J. Toward Explaining Human Culture: A Critical Review of the Findings of Worldwide Cross-Cultural Research*. New Haven, 1980. P. 31–41.